

И Амфиона привледи з собою,  
 да в струны бить свою рукою...<sup>1</sup>  
 Тамъ гдѣ Дианна бодрая з стрѣлами  
 между сатырми гонить за звѣрами,  
 Тамъ користь стрелцу...<sup>2</sup>

Изучение античного наследия в поэзии Симеона Полоцкого, однако, показывает, что эти и аналогичные им стихи — всего лишь случайные реликты чуждой ему поэтической системы. У Симеона Полоцкого, как и у его собратьев по стилю, нет и никогда не было непосредственного творческого интереса к античному миру; его восприятие античного наследия — типично „барочное“, во многом диаметрально противоположное Ренессансу, условное, далекое от понимания, от ощущения этого наследия, как некоей замкнутой в себе поэтической категории.

В подавляющем большинстве случаев, в том числе в „Орлѣ Российском“, античные боги и герои у Симеона — просто слова чисто номенклатурного назначения, слова-заменители, условно-поэтические обозначения того или иного понятия. В „Орлѣ Российском“ слово „огонь“, например, имеет у Симеона свой равнозначный условно-поэтический дубликат — „зари Вулкана“; замена эта менее всего вызвана стремлением Симеона обогатить стих какими-либо новыми, специально „античными“, семантическими ассоциациями: контекст свидетельствует,<sup>3</sup> что перед нами простая поэтическая условность, — попытка придать рядовому слову „огонь“ несколько более „высокое“ звучание. В поэтическом словаре „Орла Российскаго“ такие „античные“ слова-дубликаты встречаются нередко: небо — „емпир“, „лоно Диево“ (стр. 14); солнце — „Фоив златый“ (стр. 20), „Кинфий, в свѣтлу одежду свѣтло одѣяны“ (стр. 39), „златовласый Кинфий“ (стр. 41), „свѣтородный Фоив“ (стр. 69), „свѣтлый Фаефон“ (стр. 75), „лоно Диево“ (стр. 30); геральдический орел Российский — „Диева птица“ (стр. 29); царевич Алексей — „Фоиве наш светлый“ (стр. 41), „Фоиве красный“ (стр. 41), „Фоифе наш презлатый“ (стр. 50), „Фоифе наш словесный“ (стр. 53) и т. п. И Дий (Зевс), и Феб здесь — условно-поэтические „клише“, никакого прямого отношения к античной мифологии не имеющие и рассчитанные, как и „зари Вулкана“, на „пиитическое“ парение. И только.

До какой степени безразлична была для Симеона античная природа его поэтического Олимпа, — красноречиво свидетельствуют и выступающие у него в том же „Орлѣ Российском“ Аполлон и музы (стр. 26—38); музы у него нередко забывают о своем происхождении и говорят вещи, в устах муз более чем странные, — допустим, муза „Клио“ (стр. 27):

<sup>1</sup> Орел Российский, стр. 39.

<sup>2</sup> Там же, стр. 53.

<sup>3</sup> Там же, стр. 50